

"СИДЯЧИЕ" ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЯХ МОГИЛЁВСКОГО ТЕЧЕНИЯ ДНЕПРА

На территории изучаемого нами региона погребения в сидячем положении зафиксированы в пяти курганных группах. В 1885 г. член Московского археологического общества, генерал Н. М. Турбин проводил раскопки курганных насыпей у деревни Дымово (современный Шкловский район Могилёвской области). Исследователь следующим образом описал погребение: "... труп был похоронен в сидячем положении. При разрытии этого кургана горизонтальными слоями, сидячее положение трупа обрисовалось несомненно" [5, с. 86]. О находках каких-либо артефактов не сообщается.

В 1889 г. известный деятель народного образования Н. П. Авенариус при раскопках в трёх курганных групп у деревни Эсьмоны (Белыничский район) достоверно зафиксировал три* сидячих погребения. Костяки располагались на горизонте с несколько подогнутыми ногами. Все три скелета были помещены между параллельными рядами камней, в пространстве между которыми находились сами погребения и остатки деревянных конструкций – теремка. По мнению исследователя, камни использовались для поддержания брусьев постройки. Одно захоронение содержало погребальный инвентарь, среди которого описана дреговичская зернёная бусина [2, с. 46–47].

В 1905 г. знаменитый могилёвский археолог Е. Р. Романов, исследуя курганы у Нового Быхова (Быховский район) изучил три сидячих погребения. Костяки находились в деревянных постройках, сооружённых из плах, в одном случае прослежен навес. Сопровождающий инвентарь указывает на захоронения здесь двух женщин. Третье погребение не содержало "гендерных" находок, однако наличие фрагментов горшков и костей животных указывает на приношение погребальной пищи и совершения тризны. Размеры построек составили: в кургане № 1 около 2,84 x 6,39 м, в кургане № 2 около 4,97 x 4,26 м, в кургане № 4 около 6,39 x 4,97 м [4, с. 6–9].

Ещё одно погребение в сидячем положении также было исследовано в Быховском районе. В 1973 году могилёвский археолог Я. Г. Риер в могильнике у д. Лудчицы обнаружил захоронение женщины 25–30 лет. Костяк располагался на плахе спиной на запад, ноги были скрещены, а руки опущены вниз вперёд [3, с. 186].

Ещё один некрополь с сидячим погребением обнаружен всё в том же Быховском районе. Автором настоящей статьи при исследовании кургана № 58 могильника у д. Студёнка было зафиксировано женское погребение с радимичскими подвесками. Костяк находился в теремке с полом и крышей, стены были сооружены из плах и поднимались на высоту 0,7–0,8 м. Размеры постройки составили 4,3 x 4,3 м при её высоте 1,2–1,25 м.

При исследовании всех описанных погребений были обнаружены угли и фрагменты обгоревшего дерева, в Лудчицах костяк располагался в центре зольного слоя. Данное обстоятельство указывает на ритуальное сожжение "домика мёртвых".

Относительно такого явления как сидячее положение в погребальной обрядности восточных славян существует широкий диапазон взглядов. По моему мнению, наиболее обоснованной относительно генезиса исследуемой обрядности является точка зрения Ю. М. Лесмана. Согласно взглядам учёного, в X в. традиция погребения умерших сидя проникает на территорию Руси вместе с выходцами из Скандинавии. Местная верхушка славянского общества стремится к подражанию элитарной воинской культуре варягов. При этом происходит рецепция данного типа погребального обряда. В XI ст. традиция хоронить сидя проникает в сельскую среду. Сюда она приносится представителями власти, где происходит её дальнейшее переосмысление, которое Ю. Л. Лесман оценивает, как маргинализацию данного обряда. В качестве примера исследователь приводит погребения у

* Туманное описание одного из погребений не позволяет с точной уверенностью утверждать о сидячем положении костяка.

д. Эсьмоны [1, с. 180–183]. "Центр тяжести" данной концепции основывается на сидячих камерных захоронениях Дании, Швеции и, особенно, Бирки. Их подкрепляют открытия сидячих погребений со скандинавскими в Киеве, Шестовице, Гнёздово и др.

В курганах с сидячими погребениями Могилёвского Поднепровья какие-либо находки скандинавского круга не обнаружены. Однако в о дно из курганом могильника Лудчицы ещё в конце XIX ст. была обнаружена "фигурка викинга" [6, с. LXXVI]. Данное обстоятельство может указывать не только на экономические связи со скандинавскими торговцами, но и о принесении культурного багажа варягов в среду местного населения. Исходя из этого, автором настоящей статьи в качестве рабочей версии выдвигается предположение о возможном сочетании в погребальной обрядности сидячих захоронений Могилёвского Поднепровья как скандинавских традиций, так и собственно славянских.

1. Лесман Ю. М. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. – М. – Петрозаводск, 1997. – С. 180–183.
2. Отчёт Императорской Археологической Комиссии за 1889 г. – СПб., 1892. – 127 с.
3. Риер Я. Г. Изучение курганов в Могилёвском // Советская Археология. – 1976. – № 2. – С. 179–191.
4. Романов Е. Р. Археологические разведки в Могилёвской губернии. – Вильна, 1912. – 31 с.
5. Турбин Н. М. Раскопки 1885 года // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – М., 1886. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 83–86.
6. Фурсов М. В. Дневник курганных раскопок, проведённых по поручению летом 1892 года в 5 уездах губернии // Памятная книжка Могилёвской губернии на 1893 год. – Могилёв, 1893. – С. XXV–LIII.